



Стратегии передачи связности дискурса в синхронном переводе с русского языка на немецкий

В. Е. Порубилкин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
Москва, Россия

Аннотация. В данной работе проводится анализ передачи прагматических маркеров построения дискурса в синхронном переводе, а также определяются основные переводческие стратегии при передаче связности дискурса и влияния оценочного компонента высказывания на их выбор. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые при анализе реальной деятельности переводчиков-синхронистов задействован прагматический подход, позволяющий выделить основные способы создания и управления дискурсом, а также определить стратегии перевода прагматических (дискурсивных) маркеров создания такой связности. В основе методологии исследования лежит классификация маркеров построения дискурса, которая позволяет говорящему сигнализировать о продолжении темы (группа 1), о возвращении к предыдущей теме (группа 2), а также обозначать структуру дискурса (группа 3). Материалом исследования послужили видеозаписи выступлений участников Петербургского международного экономического форума и Российской энергетической недели в 2018 году, с доступным синхронным переводом. В корпус примеров вошло 38 прагматических маркеров. В результате исследования установлено, что при переводе прагматических маркеров с указанием на продолжение темы или же отсылкой к предыдущей теме дискурса выбранные переводчиком стратегии демонстрируют наибольшую вариативность (дословный перевод, компенсация, опущение с сохранением смысла). Самым сложным когнитивным процессом является возврат к предыдущей теме, так как он нарушает линейность дискурса, соответственно, должен четко обозначаться в переводе. Результаты исследования демонстрируют, что функция прагматического маркера – привлечь внимание, структурировать переход – важнее его лексического наполнения. Оценочный компонент теряется при передаче прагматического значения высказывания и заменяется ближайшим функциональным аналогом языка перевода. Меньше всего стратегий используется при передаче маркеров структуры дискурса (дословный перевод). Их передача является наиболее простым процессом, так как в большинстве случаев они имеют прямой функциональный аналог в языке перевода. Эмпирические данные исследования могут быть использованы в качестве стимульного материала для переводческого эксперимента, а также для разработки упражнений по управлению когнитивной нагрузкой у студентов-синхронистов.

Ключевые слова: синхронный перевод, прагматический маркер, управление дискурсом, дискурсивная информация, связность дискурса, когнитивная нагрузка

Для цитирования: Порубилкин В. Е. Стратегии передачи связности дискурса в синхронном переводе с русского языка на немецкий // Филологические науки в МГИМО. 2026. 12(2). С. 69–83. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2026-2-47-69-83>

Strategies for conveying discourse coherence in simultaneous interpreting from Russian into German

Vladislav E. Porubilkin

MGIMO University,
Moscow, Russia

Abstract. This paper analyses how pragmatic markers are conveyed in simultaneous interpretation, and also identifies the main translation strategies for conveying discourse coherence and the influence of the evaluative component of an utterance on the choice of these strategies. The research makes a novel contribution by applying a pragmatic approach to the analysis of actual simultaneous interpreting practice for the first time. This enables the identification of core mechanisms for constructing and managing discourse, and reveals specific strategies for translating pragmatic (or discursive) markers that contribute to discourse cohesion. The research methodology is based on a classification of discourse-construction markers, which allows the speaker to signal the continuation of a topic (Group 1), a return to a previous topic (Group 2) as well as specify the structure of the discourse (Group 3). The study material comprises video recordings of speeches by participants of the St. Petersburg International Economic Forum and Russian Energy Week in 2018, where simultaneous interpretation was provided. The corpus of examples includes 38 pragmatic markers. The study has revealed that when conveying pragmatic markers indicating a continuation of the topic or referring back to a previous part of the discourse, the strategies chosen by the interpreter demonstrate the highest variability (literal translation, compensation, omission with preservation of meaning). Returning to a previous topic is the most cognitively demanding process, as it disrupts the linearity of the discourse and therefore must be clearly marked in the translation. The results demonstrate that the function of a pragmatic marker — to attract attention and structure the transition — is more important than its lexical content. The evaluative component is lost when conveying the pragmatic meaning of an utterance and is replaced by the closest functional equivalent in the target language. The fewest strategies are used when translating markers of discourse structure (literal translation is predominant). Conveying them is the simplest process, as in most cases they have a direct functional equivalent in the target language. The empirical data from the study can be used as stimulus material for a translation experiment, as well as for developing exercises to manage cognitive load among student interpreters specializing in simultaneous interpretation.

Keywords: simultaneous interpreting, pragmatic marker, discourse management, discursive information, discourse coherence, cognitive load

For citation: Porubilkin V. E. Strategii peredachi svyaznosti diskursa v sinkhronnom perevode s russkogo yazyka na nemetskii [Strategies for conveying discourse coherence in simultaneous interpreting from Russian into German]. *MGIMO Journal of Language Research and Teaching*, 12(2), 69–83. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2026-2-47-69-83> (In Russian).

1. Введение

Актуальность настоящего исследования продиктована несколькими ключевыми факторами. Во-первых, устный перевод как самостоятельный вид переводческой деятельности представляет собой перспективное поле для исследований, особенно в аспекте работы с дискурсивными маркерами, как средством построения дискурса. Ученые проявляют особый интерес к синхронному переводу, где у переводчика задействуются сразу несколько когнитивных процессов: активация исходного языка и языка перевода, подавление интерференции при продуцировании высказывания, реактивация ранее заблокированной информации. Исследователи отмечают, что в данный момент синхронный перевод представляет собой сложность для исследования в силу своей многосоставности, мимолетности и ограниченного доступа к испытуемым при проведении переводческих экспериментов. Несмотря на накопленный объем информации, все еще не существует общепринятой модели синхронного перевода как такового, а переводческие эксперименты проводятся на малых выборках (Конина, Черниговская, 2018). Во-вторых, данная статья является продолжением исследования способов построения дискурса и передачи средств связности (дискурсивных маркеров), использующихся для этого. В проведенном лингвистическом эксперименте (Порубилкин, 2026) нами была рассмотрена взаимосвязь между типом логико-семантической связности и частотой применения конкретной переводческой стратегии на уровне двух сегментов дискурса.

Цель данного исследования – проанализировать передачу маркеров построения дискурса в синхронном переводе с русского языка на немецкий и на основе конкретных примеров определить основные переводческие стратегии для каждой группы прагматических маркеров.

В начале 1990-х гг. выходит ряд работ, посвященных дискурсивным маркерам в речи. Исследователи определяют их как функциональный класс единиц, которые помогают говорящему соотнести высказывание с реальной ситуацией, дать ему оценку и прокомментировать его иллокутивную цель. При этом в научном сообществе нет устоявшегося мнения насчет единого термина для определения «дискурсивного маркера» (Кулешова, 2024, с. 7). Это особо показательно в монографии О. Н. Путиной, где приводится список из 33 терминов, использующихся в современной науке для определения средств связности дискурса (Путина, 2022, с. 41). О. Ф. Сереброва и Д. Шифрин рассматривают *дискурсивные маркеры* как прагматикализованные элементы и определяют их роль в организации и структурировании текста (Сереброва, 2023; Schiffrin, 1987). В работах Е. Ю. Викторовой, К. Л. Киселевой, Д. Пайара, И. М. Кобозевой, Л. М. Захаровой и Е. В. Ерофеевой *дискурсивное слово* определяется как единица, выражающая коммуникативно-прагматическую информацию, не имеющую денотата (Викторова, 2014; 2024; Дискурсивные слова, 1998; Кобозева, Захаров, 2007; Ерофеева 2023). Ряд работ посвящен изучению категории модальности в контексте построения коммуникации. Так, Виноградов В. В. определил *модальные слова* в особую лексико-семантическую группу, не имеющей предметного значения, выделив их из категории вводных слов (Виноградов, 1975). А. В. Аверина и В. М. Глушак указывают на активную роль *модальных частиц* в реализации иллокутивной функции высказывания. В зависимости от исполняемой ими функции модальные частицы в русском и немецком языках могут кодировать общее знание и способны выступать в функции миративов (Аверина, 2020), они также позволяют смягчить высказывание, избегать их категоричности и связанных с этим нежелательных рисков в коммуникации (Глушак, 2007). Прагматическая функция средств связности дискурса отмечается и зарубежными учеными. Так, К. Фишер определяет *дискурсивную частицу* как гипероним для маркеров сегментации, междометий и элементов просодии, отмечая полисемию их использования (Fischer, 2000). Исследователь оперирует понятием *прагматический маркер*, который он понимает как часть дискурса, которая не влияет на внутреннее содержание высказывания, а сигнализирует определенное намерение коммуниканта по отношению к самому высказыванию (Fraser, 1999).

Существуют также и различные подходы к определению места дискурсивных маркеров в системе языка. Так, М. Халлидей выделяет три макрофункции языка: идеационную (информативная), межличностную (экспрессивная) и текстовую (синтаксическая) (Halliday, 1973). Основываясь на работах С. В. Андреевой, где выделяются четыре типа информации: фактуальная, коммуникативная, дискурсивная и эмоционально-чувственная (Андреева, 2005). Е. Ю. Викторова заключает, что первые три типа соотносятся с представленными М. Халлидеем макрофункциями, а дискурсивные маркеры, в свою очередь, участвуют в передаче дискурсивной и коммуникативной информации (Викторова, 2014). На основании этого она выделяет два типа дискурсивных маркеров: дискурсивы-регулятивы (выполняют межличностную функцию и передают регулятивную информацию) и дискурсивы-организаторы (выполняют текстовую функцию и передают дискурсивную информацию).

Похожий подход к построению связности дискурса можно найти у О. И. Иньковой-Манзотти, согласно которой *коннектор* (термин, используемый автором) – языковая единица, функция которой состоит в выражении типа отношений – логико-семантических, иллокутивных, структурных, – существующих между двумя соединенными с ее помощью компонентами, имеющими предикативный характер, выраженными имплицитно или эксплицитно (Инькова-Манзотти, 2001, с. 17). Отнесение той или иной языковой единицы к классу коннекторов осуществляется по функциональному признаку, т. е. способности выражать логико-семантические отношения.

Еще один подход касается напрямую прагматики дискурса. К. Эйджмер, оперируя понятием «прагматический маркер», утверждает, что такие маркеры могут определять иллокутивную силу высказывания или являться сигналом нового речевого хода. Более того, автор отмечает, что прагматический маркер позволяет указывать на изменение в дискурсе (новый речевой акт или высказывание), что является важным металингвистическим параметром наряду с паузами и средствами просодии (Aijmer, 2013, с. 5). Этот же подход используется и другим исследователем Б. Фрейзером, который несколько расширил классы дискурсивных маркеров. В основе прагматического подхода Б. Фрейзера к описанию вспомогательных коммуникативных единиц в языке, представленных в серии работ по прагматике (Fraser 1990; 1996; 1999; 2009a; 2009b), лежит классификация, где он выделяет следующие группы: *базовые прагматические маркеры*, *комментирующие маркеры*, *собственно дискурсивные маркеры* (Fraser, 2009a) и *маркеры управления дискурсом* (Fraser, 1999; 2009b).

Первая группа указывает на иллокутивную силу высказывания и выражается преимущественно глаголом с определенным иллокутивным значением *I promise* (рус. обещаю – здесь и далее перевод с английского и немецкого наш – В. П.), *my complaint is* (рус. хочу пожаловаться). Маркеры второй группы позволяют говорящему дать оценку ситуации. В данную группу входят непосредственно маркеры оценки *fortunately* (рус. «к счастью»), *sadly* (рус. «к несчастью»), верификации *certainly* (рус. «определенно»), *conceivably* (рус. «предположительно»), косвенной информации *reportedly* (рус. «по сообщению»), *allegedly* (рус. «по утверждению») и др. Третья группа маркеров указывает, каким образом два сегмента дискурса связаны друг с другом (на основе противопоставления, добавления новой информации и умозаключения), в то время как четвертая группа позволяет управлять дискурсом в целом, изменяя тему высказывания. В последнюю группу входят маркеры, указывающие на возвращение к предыдущей теме *back to my point, returning to my (previous) point* (рус. «возвращаясь к (предыдущей) теме»); продолжение текущей темы *as I was saying* (рус. «как я уже говорил»), *if I might go on* (рус. «если можно, я продолжу»); отступление от текущей темы *by the way* (рус. «кстати»), *I totally forgot* (рус. «совсем забыл»); введение новой темы *but* (рус. но), *if I might change the topic* (рус. «если позволите, перейду к новой теме»), *let me broach an entirely new topic* (рус. «позвольте начать новую тему»). Данная группа дискурсивных маркеров охватывает ситуацию дискурса в целом, а не на уровне отдельных высказываний (Fraser, 1999).

Стоит отметить, что сам по себе класс прагматических маркеров неоднороден. В широком понимании к нему можно отнести отдельные слова различных частей речи, например, наречия, частицы, союзы и союзные слова, а также словосочетания и целые предложения, что усложняет

классификацию и выделение отдельных семантически-морфологических классов. Объединяет все эти единицы общая для них регулятивная и организующая роль в дискурсе (Викторова, 2014).

В данном исследовании мы полагаемся на дискурсивно-коммуникативную модель перевода (Волкова, 2023), где выделяются четыре основных уровня: уровень текста, дискурса, коммуникации и действительности. На уровне дискурса можно выделить саму цель дискурса, его узловые точки, ценности, тематику (поле), участников (направление), хронотоп и интердискурсивность (полидискурсивность). Рассматривая эту модель, стоит отметить, что для анализа прагматических маркеров управления дискурсом прежде всего важно учитывать цель дискурса (насколько важен данный сегмент для речевой ситуации), тематику (возможное изменение или продолжение текущей темы) и хронотоп (в контексте тематики: направление изменения темы).

Согласно этой модели в основе стратегии перевода лежит следующая система:

- 1) общая установка переводчика;
- 2) макростратегия перевода (уровни дискурса, коммуникации, действительности);
- 3) микростратегия перевода (уровень текста).

Исследуемые нами прагматические маркеры охватывают макростратегии перевода, характерные для исследования перевода в дискурсе и охватывающие весь дискурс.

В данном исследовании нами ставятся следующие задачи:

- 1) отобрать видеозаписи выступлений участников и выделить фрагменты, содержащие прагматические маркеры, транскрибировать оригинальные высказывания и их синхронный перевод;
- 2) распределить выявленные прагматические маркеры по трем группам в соответствии с их функцией (группа 1 – маркеры продолжения темы, группа 2 – маркеры возврата к предыдущей теме, группа 3 – маркеры структуры дискурса);
- 3) для каждого случая передачи прагматического маркера определить использованную переводчиком стратегию, сопоставить частоту и вариативность стратегий для маркеров каждой группы;
- 4) сравнить результаты по трем группам маркеров, обобщить данные о соотношении прагматической функции и лексического наполнения маркеров.

Отталкиваясь от классификации Б. Фрейзера, мы можем заключить, что выделенные им маркеры управления дискурсом подходят для осуществления задач исследования по нескольким причинам:

- 1) они являются текстообразующими элементами, т. е. передают дискурсивную информацию;
- 2) они также являются прагматическими элементами, так как сигнализируют о (потенциальной) смене темы дискурса;
- 3) в большинстве случаев этот класс представляет собой десемантизированные фразы с ярко выраженной коммуникативной целью, что позволяет исследовать стратегии перевода и поиск функциональных аналогов на уровне целого предложения.

2. Материалы и методы исследования

Для достижения цели исследования нами был проведен контент-анализ выступлений участников Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) и Российской энергетической недели (РЭН) в 2018 году. Несмотря на то, что данные форумы проводятся ежегодно, материал для исследования синхронного перевода именно в языковой паре «русский – немецкий» ограничен. Именно в 2018 году на ПМЭФ – 2018 и Российской энергетической недели в ряду крупных деловых миссий были немецкая и швейцарская делегации, для которых было организовано лингвистическое сопровождение с синхронным переводом^{1, 2}. Нами были проанализированы

¹ Итоги Петербургского международного экономического форума – 2018 https://forumspb.com/news/news/itogi-peterburgskogo-mezhdunarodnogo-ekonomicheskogo-foruma-2018/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 16.04.2026)

² Итоги РЭН – 2018 <https://rusenergyweek.com/archive/2018/outcomes-of-rew/> (дата обращения: 16.04.2026)

пленарное заседание³ (далее – ПЗ) ПМЭФ – 2018 и панельная дискуссия «Устойчивая энергетика для меняющегося мира»⁴ (далее – ПД) РЭН – 2018. Материалы конференций с синхронным переводом в формате дополнительного аудиоканала доступны на платформе «ROSCONGRESS». Всего было обработано 5 часов видео- и аудиоматериалов и проанализированы переводы трех ведущих переводчиков-синхронистов в паре «русский-немецкий». Анализ материала осуществлялся на основе двух доступных в рамках исследования аудиоканалов: на русском и немецком языках. Нами исследовалась узкая группа дискурсивных маркеров с указанием на структуру дискурса и сигналом об изменении темы. При отборе маркеров был задействован количественный метод. Примеры отбирались вручную с привлечением метода сплошной выборки на основе функции, характерной для каждой группы маркеров. Всего было отобрано 38 примеров употребления прагматических маркеров создания дискурса. Каждый рассмотренный нами пример содержит таймкод для обеспечения воспроизводимости примеров исследования.

3. Результаты исследования

3.1 Анализ прагматических маркеров продолжения темы

Результаты анализа прагматических маркеров создания дискурса можно представить в следующей таблице.

Таблица 1.

Группы прагматических маркеров и использованные стратегии для их передачи

Группа анализируемых маркеров	Общее количество примеров	Стратегия перевода	Количество примеров с выбранной стратегией
Группа 1. Маркеры продолжения темы	17 примеров	Дословный перевод	3 примера
		Компенсация с сохранением смысла	5 примеров
		Опущение с сохранением смысла	4 примера
		Пропуск	5 примеров
Группа 2. Маркеры возвращения к предыдущей теме	11 примеров	Дословный перевод	5 примеров
		Компенсация с сохранением смысла	4 примера
		Опущение с сохранением смысла	1 пример
		Пропуск	1 пример
Группа 3. Маркеры структуры дискурса	10 примеров	Дословный перевод	8 примеров
		Компенсация с сохранением смысла	0 примеров
		Опущение с сохранением смысла	0 примеров
		Пропуск	2 примера

В первой группе было выделено 17 примеров, пять из которых переводчики решили полностью опустить в переводе без сохранения смысла. Среди основных переводческих приемов можно выделить дословный перевод (3 примера), компенсацию (5 примеров) и опущение с сохранением смысла (4 примера). Оставшиеся 12 примеров представляют собой продукт перевода трех синхронистов и могут быть сгруппированы по использованным ими стратегиям **опущения с сохранением смысла, компенсации с сохранением смысла и дословного перевода**.

Стратегия опущения с сохранением смысла была применена при переводе четырех примеров. Она является самой рискованной, но в синхронном переводе зачастую необходимой для экономии времени и когнитивных ресурсов, когда смысл высказывания не должен пострадать. В примере (1) переводчик опускает всю вводную конструкцию, и *Вы хорошо знаете*, оставляя только союз *und*. В данном контексте апелляция к знаниям аудитории *Вы знаете* является риторическим

³ Петербургский международный экономический форум – 2018. Пленарное заседание https://roscongress.ru/sessions/plenarnoe-zasedanie2018/translation/?utm_referrer=https%3A%2F%2Froscongress.org%2F (дата обращения: 16.04.2026)

⁴ Российская энергетическая неделя- 2018. Устойчивая энергетика для меняющегося мира <https://roscongress.ru/sessions/rew-2018-ustoychivaya-energetika-dlya-menyayushchegosya-mira/translation/#stock> (дата обращения: 16.04.2026)

приемом, а не критически важной информацией. Союз *und* в немецком варианте выполняет минимальную функцию присоединения, что позволяет сохранить темп речи, не теряя логической связи:

(1) *В этом зале много представителей бизнеса, и Вы хорошо знаете, что выход одной из сторон контракта из правового поля [...] всегда означает риски и издержки...* – *In diesem Saal sitzen Vertreter des Business, und wenn eine Seite den Vertrag bricht rechtswidrig, das heißt für die Partner Risiken.* (ПЗ: 39:24)

В примере (2) модальная конструкция *и уверен*, выражающая субъективную убежденность говорящего, опущена. Оставлен только союз *und*. В немецком варианте уверенность переносится на глагол *erreichen*. Это классический пример потери оценочного компонента ради сохранения темпоральной связности речи:

(2) *... и уверен: вместе, укрепляя доверие и дух партнерства, мы обязательно добьемся успехов ...* – *...und so erreichen wir das, was für uns Erfolg heißt.* (ПЗ: 51:13)

Пример (3) аналогичен переводу выше. Сильное модальное слово *убежден* редуцируется до союза *und*. Это подтверждает вывод о том, что в синхронном переводе такие маркеры часто воспринимаются не как носители конкретной иллокутивной силы, а как хеджирующие или связующие элементы:

(3) *Убежден, только та страна может быть сильной и успешной, где...* – *Und das Land kann mächtig sein, wo man...* (ПЗ: 46:13)

В последнем примере (4), демонстрирующем применение переводчиком стратегии опущения с сохранением смысла, редуцирована конструкция анонсирования нового тезиса *отмечу, что*. Её функцию в переводе берет на себя контекст и союз *und*. В условиях жесткого лимита времени переводчик жертвует мета-комментарием ради основной фактологической информации *спрос будет расти*:

(4) *При этом отмечу, что в обозримом будущем спрос на нефть будет расти...* – *...und in absehbarer Zukunft wird die Nachfrage nach dem Erdöl wachsen...* (ПД: 12:44)

Стратегия компенсации с сохранением смысла была применена при переводе пяти примеров. Это наиболее творческая стратегия, при которой переводчик меняет форму, но передает функцию исходного высказывания, часто используя устоявшиеся клише в языке перевода. В примере (5) наблюдается интересный случай функциональной замены. Пояснение *имею в виду* заменено на призыв к действию *wir müssen*. Переводчик меняет модус высказывания с констатирующего на побудительный, но в рамках общей темы преодоления неравенства. Это выглядит адекватной компенсацией, так как сохраняет иллокутивную цель оратора – привлечь внимание к затрагиваемой проблеме:

(5) *Имею в виду преодоление неравенства возможностей...* – *Wir müssen die Ungleichheit der Möglichkeiten abbauen...* (ПЗ: 45:04)

В примере (6) вместо дословного перевода сочетания *auf die Tatsache hinweisen* синхронист использует структуру введения аргументации *folgende Tatsachen nennen* (назвать следующие факты). Это эквивалентная замена в рамках функции анонсирования нового важного блока информации:

(6) *Хочу обратить внимание на показательный факт...* – *Ich möchte folgende Tatsachen nennen...* (ПЗ: 37:15)

В примере (7) при переводе выражение высокой степени модальности *считаю важным* заменено на нейтральное *ich meine* (рус. я думаю/полагаю). Таким образом произошло снижение оценочности, но сохранена субъективная модальность. Слово *важным* не было передано, так как оно подразумевается контекстом разговора о развитии:

(7) *Считаю важным продолжение линии качественного обновления...* – *Und ich meine, das ist die qualitative Besserung des Personals.* (ПЗ: 50:01)

При переводе высказывания (8) множественное число сказуемого *убеждены* заменено на единственное число *ich bin sicher*. Это – грамматическая компенсация, делающая высказывание более естественным для немецкой устной речи, где модальность часто персонализируется:

(8) **Убеждены, обеспечить прогресс мировой энергетики [...]** ... может только глобальное партнерство. – *Ich bin mir **sicher**, dass die Zukunft der Energiewirtschaft [...] ...nur die internationale Partnerschaft gewährleisten kann.* (ПД: 11:56)

В примере (9) наблюдается замена клише. Вместо призыва обратить внимание переводчик использует глагол *unterstreichen* (рус. подчеркнуть). При этом сохраняется функция маркирования важного последующего тезиса:

(9) **Я хочу обратить Ваше внимание на то, что...** – *Und ich möchte noch **Folgendes unterstreichen...*** (ПД: 21:00)

Стратегия дословного перевода была применена при переводе трех примеров. Дословный перевод применяется преимущественно тогда, когда структура в русском языке имеет прямой и устоявшийся аналог в немецком языке, либо когда оратор использует глаголы усиления воздействия, которые сложно опустить без потери смысла. Так, в примере (10) в переводном высказывании используется практически полный эквивалент вводного слова. Добавление *nochmal* (еще раз) представляет собой характерное для немецкого устного дискурса усиление, которое органично дополняет речь, не искажая смысл:

(10) **И подчеркну:** на основе рыночного, прозрачного механизма... – *Und ich kann **nochmal betonen** aufgrund der transparenten Mechanismen...* (ПЗ: 49:45)

В переводном высказывании примера (11) переводчик также использует полное соответствие связующего элемента. Апелляция к общему знанию как *Вы знаете* является интернациональным риторическим приемом, имеющим точные аналоги в обоих языках. Переводчику легко его сохранить, так как он не требует синтаксической перестройки:

(11) **Как Вы знаете,** немецкие партнеры начали уже строительство в море. – ***Sie wissen**, dass die deutschen Partner bereits angefangen haben, die Offshore-Konstruktionen aufzubauen.* (ПД: 49:05)

В примере (12) перевод вводного слова выполняется дословно с небольшим добавлением (*noch einmal*). Глагол *bestätigen* является прямым соответствием глагола *подтвердить* в русском языке. В данном случае отказ от опущения может быть продиктован тем, что это ссылка на предыдущего спикера и игнорирование этого факта могло бы нарушить этику или точность полилога:

(12) **Хочу подтвердить,** о чем здесь коллеги говорили... – *Und ich möchte **noch einmal bestätigen** das, was die Kollegen hier erwähnt haben...* (ПД: 01:14:27)

Стратегия опущения применяется к вводным конструкциям, несущим субъективную оценку *убежден, уверен, отмечу* и направлена на экономию усилий синхрониста. Переводчик маркирует их как избыточные для фактологической канвы сообщения, оставляя лишь союзную связь. Дословный перевод применяется там, где срабатывает интерференция или наличие устойчивых соответствий типа как *Вы знаете* – *sie wissen*. Компенсация включается тогда, когда автоматизм невозможен, и переводчик ищет решение в структуре немецкого языка, как в случае с заменой *имею в виду* на *wir müssen*. Оценочный компонент *убежден, считаю важным* при переводе либо исчезает, либо нивелируется до нейтрального *ich meine*. Главной задачей переводчика становится не передача эмоции говорящего, а обеспечение связности и поступательного развития дискурса или продвижения темы.

3.2 Анализ прагматических маркеров возвращения к предыдущей теме

Схожие тенденции можно обнаружить и при передаче маркеров, сигнализирующих о возвращении к предыдущей теме. Всего было зафиксировано 11 маркеров данной группы, один из которых был полностью опущен в переводе. Такие маркеры представляет особый интерес, поскольку они нарушают линейное поступательное движение дискурса (регресс), требуя от переводчика не просто ретрансляции новой информации, а отсылки к уже сказанному. Стратегии переводчиков распределились следующим образом: дословный перевод (5 примеров), компенсация (4 примера), опущение с сохранением смысла (1 пример).

Стратегия дословного перевода используется чаще, чем в рассмотренной выше группе маркеров продвижения темы дискурса. Это может быть связано с тем, что возвращение к теме требует большей определенности и четких маркеров, чтобы слушатель понял отсылку. Так, в примере (13)

перевод представляет собой практически полный структурный и семантический эквивалент. Глагол *zurückgreifen* (рус. «возвращаться, обращаться») является прямым аналогом русского глагола *вернуться*. Добавленная частица *doch* выступает прагматическим усилителем – она сигнализирует о намерении говорящего настоять на своем, несмотря на возможное желание аудитории двигаться дальше. Это редкий случай сохранения усилительного компонента в переводном варианте:

(13) *Я бы хотел вернуться к предыдущему вопросу. – Aber ich möchte doch auf die vorherige Frage zurückgreifen.* (ПД: 01:14:12)

Пример (14) демонстрирует дословный перевод с высокой степенью точности:

(14) *Я говорил и могу еще раз напомнить... – Ich habe das bereits erwähnt und ich kann daran wieder erinnern.* (ПД: 01:41:00)

Частично дословный перевод в комбинации с компрессией представлен в примере (15), в котором опущено слово *окончание*, но сохранена лексическая структура возврата *давайте вернемся* (*zurück zu*). Слово *Frage* (рус. вопрос) в переводе добавлено из контекста, так как это была сессия вопросов и ответов. Таким образом, функция возврата полностью выполнена:

(15) *Давайте все-таки вернемся к окончанию. Еще раз, повторите, пожалуйста, Ваш вопрос... – Ja, aber zurück zu Ihrer Frage. Können Sie das bitte wiederholen?* (ПД: 01:45:52)

В примере (16) совершается дословный перевод ключевой части *хочу еще раз повторить*. Первая часть предложения *В этом смысле я уже много раз говорил* опущена как избыточная, поскольку функция повтора уже имплицитно содержит указание на то, что об этом уже сообщалось ранее:

(16) *В этом смысле я уже много раз говорил, хочу еще раз повторить здесь... – Und ich möchte noch einmal wiederholen...* (ПД: 37:30)

В смысловом выражении высказывание (17) переведено дословно на фоне замены модальной конструкции *хочу повторить* на индикатив *ich wiederhole* (рус. повторяю). В немецком языке использование индикатива в данном контексте звучит более категорично и авторитетно, чем модальный оборот, что полностью соответствует интенции оратора:

(17) *Я уже говорил. Я еще раз хочу повторить... – Ich wiederhole es ein weiteres Mal...* (ПД: 31:10)

В данном примере акцентуация намерения *хочу повторить* заменяется переводчиком на передачу смысла *еще раз*, что видно при сравнении двух рамочных конструкций. Сравните: *ich möchte es noch einmal wiederholen* и *ich wiederhole es ein weiteres Mal*. Усиление достигается путем перестановки двух объектов высказывания в рамочной конструкции, а не добавлением новых языковых единиц.

Как и в первой группе рассмотренных нами прагматических маркеров, при анализе второй группы мы наблюдаем тенденцию на изменение субъектности и снижение оценочного компонента высказывания при передаче модальности, где переводчик использует стратегию компенсации.

При переводе высказываний с использованием стратегии компенсации с сохранением смысла синхронисты активно используют наречия повтора, такие как *mehrfach* (рус. «много раз»), *noch einmal* (рус. «еще раз») и др., и меняют грамматическую структуру, чтобы естественно вписать отсылку к прошлому в контекст. В примере (18) произведена замена личной конструкции *считаю необходимым* на безличную или коллективную *wir müssen* (рус. «нам нужно»). Ключевой маркер возврата *еще раз* сохранен посредством лексического сочетания *noch einmal betonen*. Таким образом произошла потеря субъективной оценки *считаю необходимым*, но сохранена прагматика настоящего повтора:

(18) *Поэтому считаю необходимым об этом сказать еще раз, это принципиально важно для становления сильного гражданского общества... – Und ich meine, wir müssen es noch einmal betonen, für die Entwicklung der Bürgergesellschaft...* (ПЗ: 48:24)

Удачный пример компенсации переводчик демонстрирует в примере (19). Во-первых, он меняет единственное число в оригинальном *говорил* на множественное *wir haben erwähnt* (рус. мы упомянули), что является более типичным для немецкой официальной речи. Во-вторых, синхронист добавляет наречие *mehrfach* (рус. много раз), которого нет в оригинале. Это усиливает функцию маркера: не просто «говорить», а «неоднократно упоминать», что делает возврат к теме более обоснованным:

(19) *Уже говорил сегодня о взаимозависимости современного мира... – Wir haben diese Interdependenz heute mehrfach erwähnt.* (ПЗ: 53:20)

При переводе примера (20) переводчик-синхронист производит замену клише на русском *еще раз повторяю*, которая представляет собой прямую апелляцию к действию повторения, на немецкое *wie gesagt hier* (рус. как было здесь сказано). Немецкий вариант представляет собой функциональный аналог, который, однако, следует рассматривать в данной позиции в устной речи более органичным из-за тенденции к использованию пассивного залога в речи:

(20) *Речь шла, еще раз повторяю, о балансировке рынка, и мы добились этого результата ... – Es ging, wie gesagt hier, um das Gleichgewicht auf dem Markt und wir haben das erreicht...* (ПД: 20:50)

Интересный случай грамматической компенсации демонстрирует пример (21). В нем русское наречие времени *только что*, предназначенное для выражения акцента на действии в недавнем прошлом, передано переводчиком с помощью комбинации времен в немецком: *haben gesprochen* (перфект, завершённое действие) и *sprechen* (презенс, продолжающееся действие). Это создает эффект непрерывности темы, плавно соединяя прошлое («только что говорили») с настоящим («продолжаем обсуждать»):

(21) *Сейчас только что говорили о геополитических факторах... – Wir haben gesprochen und sprechen über die geopolitischen Faktoren...* (ПД: 31:33)

В примере (22), в котором переводчик применяет стратегию опущения, наблюдается отсутствие части высказывания *в этом смысле я уже много раз говорил*. Возможно, это решение обусловлено действием принципа экономии. Информация о том, что это «повтор», уже заложена в сохранившейся части фразы *хочу еще раз повторить*. Упоминание многократности выполнения действия *много раз говорил* приносится в жертву ради темпа речи, так как не является критическим для понимания основной мысли говорящего:

(22) *В этом смысле я уже много раз говорил, хочу еще раз повторить здесь... – Und ich möchte noch einmal wiederholen...* (ПД: 37:30)

При этом дискурсивная информация отображается в переводе при дословной передаче второй конструкции со схожей функцией. Таким образом, переводчик передал сразу два типа информации: дискурсивную и фактологическую, что подтверждает успешность выбранной стратегии.

Широкий арсенал инструментов перевода при передаче сигнала об изменении темы позволяет сделать вывод о том, что стратегия компенсации используется переводчиками для экономии когнитивных усилий и времени на обработку исходного текста и непосредственно продуцирование высказывания. Из примеров мы видим, что при передаче дискурсивной информации переводчик может сузить или расширить субъект высказывания, изменить временную форму или залог. Стратегия опущения является более редкой ввиду специфики дискурсивного значения прагматических маркеров: если при продвижении темы можно отказаться от мета-комментариев ради основной фактологической информации, то при возвращении к теме переводчику необходимо дать четкий сигнал, чтобы не разрушить последовательность сегментов дискурса. Задача переводчика здесь – обеспечить сигнал о возвращении к предыдущей теме.

Исходя из полученных данных можно заметить, что низкая вариативность стратегий во второй группе прагматических маркеров может указывать на перераспределение внимания переводчиками в сторону поиска точного функционального аналога для передачи дискурсивного сообщения высказывания. Стоит также отметить, что владение такими знаниями входит в основные компетенции переводчика-синхрониста. Как отмечают ученые, специалист в области синхронного перевода должен обладать большим запасом «эквивалентных пар лексических единиц, которые связаны между собой знаковой связью, которые позволяют переводить не через анализ и синтез (то есть мышление), а через условные рефлексy, точнее на уровне «стимул-реакция» (Ракова, 2024; Филатова, 2017). Это напрямую касается передачи функциональных (прагматических) элементов в переводе.

Тенденцию к стратегии дословного перевода можно объяснить тем, что нарратив воспринимается участником коммуникации как линейная последовательность. Для отступления от линейного движения дискурса участникам коммуникации требуются дополнительные когнитивные

усилия, что не позволяет экономить ресурсы при переводе, например, каждый раз применяя стратегию опущения при переводе. Помимо наречия *nochmal* (рус. «еще раз») были зафиксированы единичные использования наречия *mehrfach* (рус. много раз) и усилительные частицы *doch*, *aber* (ближайший аналог в рус.: «же»), элемент хеджирования *ja*. Как и в предыдущих примерах мы фиксируем отсутствие привязки к непосредственно семантическому значению данных языковых единиц. В тексте перевода они служат дополнительным элементом связности при передаче дискурсивной информации.

3.3 Анализ прагматических маркеров структуры дискурса

Последней исследованной нами группой прагматических маркеров стали маркеры передачи структуры дискурса. Отметим, что рассматриваемая группа маркеров принципиально отличается от двух предыдущих тем, что представленные здесь единицы, например, *во-первых*, *во-вторых*, *в заключение*, лишены оценочного компонента и выполняют исключительно текстообразующую (дискурсивную) функцию. На основе этого нами было предположено, что передача таких маркеров будет выражаться непосредственно прямым аналогом в языке перевода. Всего в нашем корпусе было зафиксировано 10 маркеров передачи структуры дискурса, 8 из которых были переведены дословно. Два маркера были полностью опущены в переводе. Во всех случаях используется прямой словарный аналог немецких числительных-наречий: *Во-первых, ... – Erstens, ...; Первое, ... – Erstens, ...; Второе, ... – Zweitens, ...; Третье, ... – Drittens, ...; Четвертое, ... – Und viertens, ...; К первой части [вопроса]... – Zu Ihrer ersten Frage...; И в заключении... – Abschließend ...*

Интерес представляет пример (23), где переводчик намеренно расширяет структуру предложения в переводе.

(23) *Это – во-первых, во-вторых, я уже говорил и могу еще раз напомнить, [...] у нас с Со-единенными Штатами, как видите, много проблем... – Das wäre das Erste, und das Zweite, ich habe das bereits erwähnt und ich kann Sie daran wieder erinnern [...] wir haben viele Probleme in den Verhältnissen mit den Vereinigten Staaten...* (ПД: 01:41:00)

Перевод конструкции с русского языка оказался длиннее в тексте перевода, что можно трактовать как попытку использования переводчиком уже отработанной речевой формулы во время ожидания «подсказки» от оратора. Подобный подход к переводу фразы можно охарактеризовать как «столлинг», то есть попытку выиграть время путем замедления подачи переводного материала или повторением тематической информации с целью заполнения слишком затянувшейся паузы (Волкова, 2022; Илюхин 2002). Данный прием относится уже не к тематике дискурса, а к его хромотопу, то есть связан с фактором времени.

В отличие от маркеров продвижения темы, отличающихся высокой степенью вариативности стратегий перевода и маркеров возврата к предыдущей теме, у которых преобладал дословный перевод с компенсацией, в случае с маркерами структурирования дискурса мы видим практически стопроцентное применение дословного перевода.

Также отметим, что в немецком языке существует стройная и непротиворечивая система маркирования структурных элементов дискурса с помощью наречий порядка *erstens*, *zweitens*, *drittens*; *abschließend*; *zusammenfassend* и т.п. Это избавляет переводчика от необходимости поиска большого количества функциональных аналогов, поскольку они уже есть и являются полными эквивалентами.

Прагматические маркеры управления дискурсом представляют собой относительно редкую группу дискурсивных маркеров, что связано с несколькими ключевыми факторами:

- 1) они сигнализируют о наличии конкретной структуры, например, перечисление в аргументации, указание на начало и конец речевой ситуации;
- 2) связывают не два рядом стоящих сегмента дискурса, а последовательность сегментов между собой, например, указывают на отклонение от темы, возвращение к предыдущей теме, продвижение основной темы.

Это позволяет сделать два вывода:

- 1) ввиду узких функций, выполняемыми такими дискурсивными маркерами, их языковой арсенал ограничен: в основном такие маркеры представлены речевыми формулами-клише для выражения той или иной функции;
- 2) конкретизация этих функций приводит к тому, что такие формулы являются десемантизированными языковыми единицами и могут быть заменены ближайшим функциональным аналогом в другом языке.

4. Заключение

Проведенное исследование было направлено на изучение стратегий устного перевода при передаче средств создания дискурса (прагматических маркеров управления дискурсом). В рамках работы решались задачи по систематизации переводческих стратегий и изучению особенностей перевода при различных состояниях тематики дискурса (обозначение его структуры, продвижение темы и возвращение к предыдущей теме).

Проведенный нами комплексный сопоставительный анализ стратегий перевода позволил сделать следующие выводы:

1. При передаче переводчиками-синхронистами стратегии маркеров продвижения темы дискурса (группа 1) наблюдается приоритет функции над формой. В 9 случаях из 12 переводчик отказывается от дословной передачи и использует стратегии опущения с сохранением смысла и компенсации с сохранением смысла. Это может свидетельствовать о том, что в синхронном переводе прагматическая функция маркера – привлечь внимание, структурировать переход – важнее его лексического наполнения.

2. При передаче маркеров, сигнализирующих о возвращении к прошлой теме (группа 2), переводчики применяют меньше стратегий опущений (1 против 5 в группе 1) и больше дословных переводов (5 против 3 в группе 1). Из этого мы можем сделать предварительный вывод, что возврат к теме – когнитивно более сложная операция для слушателя. Если переводчик опустит маркер возврата, слушатель может потерять нить повествования. Поэтому переводчики стараются маркировать регресс максимально четко. Помимо этого, в этой группе маркеров может меняться грамматическое лицо, например, я передается как мы – 3 случая; могут сохраняться (3 случая) или добавляться (1 случай) видовременные формы (сочетание времени Perfekt и Präsens), чтобы сгладить переход и сделать его более естественным для немецкого слушателя.

3. При передаче прагматических маркеров, указывающих на продвижение темы (группа 1) и на возвращение к предыдущей теме (группа 2), переводчики продемонстрировали наибольшую вариативность стратегий: дословный перевод (8 из 27), компенсация (9 из 27) или опущение части фрагмента (5 из 27) с сохранением смысла. Такая вариативность может быть обусловлена передачей преимущественно регулятивной информации. Характерным для двух групп маркеров является то, что при переводе теряется часть оценочного компонента высказывания, например, убеждены больше не сигнализирует о конкретном иллокутивном намерении говорящего, а является динамическим компонентом. Подобная тенденция может говорить о том, что одна и та же языковая функция может передаваться различными аналогами языка перевода без привязки к конкретному семантическому значению.

4. При передаче прагматических маркеров, обозначающих структуру дискурса, переводчики применили только стратегию дословного перевода. Такая стратегия может быть обусловлена существованием конкретного функционального аналога в языке перевода и отсутствием оценочного компонента высказывания, так как функция прагматического маркера сводится только к выделению конкретного фрагмента или же ситуации дискурса в целом. Мы полагаем, что эта группа маркеров вызывает у синхронистов наименьшие когнитивные затруднения. Перевод происходит автоматически, на уровне устоявшихся межъязыковых соответствий, что позволяет экономить когнитивные ресурсы для более сложных участков текста, в которых есть оценка или нарушение линейности дискурса.

Имеющаяся выборка (38 примеров) позволяет сделать лишь предварительные выводы о способах передачи дискурсивной информации в синхронном переводе. Перспективы дальнейших исследований, открываемые данной работой, охватывают несколько направлений. Во-первых, собранные в рамках данного исследования эмпирические материалы могут послужить основой для создания стимульного материала для переводческого эксперимента, цель которого будет заключаться в успешности переводческих стратегий при передаче средств создания дискурса. Во-вторых, перспективным выглядит разработка методических рекомендаций по управлению когнитивной нагрузкой при работе с дискурсивными маркерами создания дискурса, например, упражнения на переключение стратегий, развитие оперативной памяти, создание симуляционных сценариев с условиями, близкими к реальным.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает, что оценочный компонент при передаче связности дискурса имеет вторичный характер и очень часто замещается ближайшим функциональным аналогом в языке перевода. Высокая частотность стратегии компенсации демонстрирует, что при передаче связности дискурса переводчик отталкивается не от семантического значения языковой единицы, а от его функции в конкретном фрагменте дискурса.

© В. Е. Порубилкин, 2026

Список литературы

- Аверина А. В. Модальные частицы в структуре предложения (на материале немецкого и русского языков) // Вопросы современной лингвистики. 2020. № 2. С. 59-67. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-2-59-67
- Андреева С. В. Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи: монография. Саратов: Изд-во Саратовского университета. 2005. 192 с.
- Викторова Е. Ю. Дискурсивные слова: единство в многообразии // Известия Саратовского университета. Серия «Филология. Журналистика». 2014. Т. 14. Выпуск 1. С. 10-15. DOI: 10.18500/1817-7115-2014-14-1-10-15
- Викторова Е. Ю. Хеджинг-стратегия в оценочном научном дискурсе: междисциплинарное исследование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2024. №1. С. 5-17. DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.1.1
- Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: избранные труды. Москва, 1975. С. 53-87.
- Волкова Т. А. Дискурсивное моделирование перевода: зачем переводчику дискурс // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 3 (66). С. 75-84. DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.009
- Волкова Т. А. Стратегии устного перевода: обзор и переосмысление подходов // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2022. №2 (45). С. 52-61.
- Глушак В. М. Эпистемическая функция частиц в организации речевого поведения // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки», 2009. № 3. С. 32-37.
- Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. 446 с.
- Ерофеева Е. В. Значение и функции прагматических маркеров в русской устной речи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература, 2023. № 20 (1). С. 170–182. DOI: 10.21638/spbu09.2023.110
- Илюхин В. М. Стратегии в синхронном переводе: на материале англо-русской и русско-английской комбинаций перевода: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2002. 24 с.
- Инькова-Манзотти О. Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках: сопоставительное исследование: дисс. ... док. филол. наук. Москва, 2001. 453 с.
- Кобозева И. М., Захаров Л. М. Означающее дискурсивных слов русского языка как объект когнитивно ориентированного описания: проблема метаязыка // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. Москва: МГУ, 2007. 466 с.
- Конина А. А., Черниговская Т. В. Синхронный перевод как экстремальный вид когнитивных процессов (обзор экспериментальных исследований) // Вопросы психолингвистики. 2018. №4(38). С. 178-203. DOI: 10.30982/2077-5911-2018-4-178-203
- Кулешова А. В. Проблема параметризации дискурсивных маркеров в трудах зарубежных лингвистов (на примере французского языка) // Вопросы современной лингвистики. 2024. №3. С. 6-15. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-3-6-15
- Порубилкин В. Е. Стратегии передачи связности высказывания в устно-зрительном переводе с немецкого языка на русский // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2026. Том 19. Выпуск 2. С. 669-678. DOI: 10.30853/phil20260088
- Путина О. Н. Дискурсивные маркеры в диалогическом единстве вопрос-ответ: коммуникативно-прагматический подход: монография. Пермь, 2022. 184 с.

- Ракова К. В. Синхронный перевод лексических средств выразительности в современном общественно-политическом дискурсе // *Филологические науки в МГИМО*. 2025. 11(4). С. 126-140. DOI: 10.24833/2410-2423-2025-4-45-126-140
- Сереброва О. Ф. Немецкие дискурсивные маркеры в текстах различных функциональных стилей // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023. Том 16. Выпуск 7. С. 2166-2172. DOI: 10.30853/phil20230355
- Филатова В. В. Проблема внедрения синхронного перевода в переводческую деятельность // *Вестник магистратуры*. 2017. №12-4 (75). С. 34–37.
- Aijmer K. *Understanding Pragmatic Markers: A Variational Pragmatic Approach*. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2013. 186 pp.
- Blakemore D. *Relevance and Linguistic Meaning: The Semantics and Pragmatics of Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 189 pp.
- Fischer K. *From cognitive semantics to lexical pragmatics: The functional polysemy of discourse particles*. Berlin – N. Y.: Walter de Gruyter. 2000. 383 pp.
- Fraser B. An Account of Discourse Markers // *International Review of Pragmatics*. 2009a. № 1. PP. 292-320. DOI: 10.1163/187731009X12505863431603
- Fraser B. An approach to discourse markers // *Journal of Pragmatics*. 1990. Vol. 14. № 3. PP. 383-398. DOI: 10.1016/0378-2166(90)90096-V
- Fraser B. Pragmatic markers // *Pragmatics*. 1996. Vol. 6. Iss. 2. PP. 167-190. DOI: 10.1075/prag.6.2.03fra
- Fraser B. Topic Orientation Markers // *Journal of Pragmatics*. 2009b. № 41. PP. 892-898. DOI: 10.1016/j.pragma.2008.08.006
- Fraser B. What are discourse markers? // *Journal of Pragmatics*. 1999. № 31. PP. 931-952. DOI: 10.1016/S0378-2166(98)00101-5
- Halliday M. *Explorations in the Functions of Language*. L.: Edward Arnold. 1973. 140 pp.
- Schiffrin D. *Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 376 pp.

References

- Aijmer, K. (2013). *Understanding pragmatic markers: A variational pragmatic approach*. Edinburgh University Press.
- Andreeva, S. V. (2005). *Konstruktivno-sintaksicheskie edinit'sy ustnoi russkoi rechi: monografiya* [Constructive-syntactic units of Russian oral speech]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. (In Russian)
- Averina, A. V. (2020). Modal'nye chastitsy v strukture predlozheniya (na materiale nemetskogo i russkogo yazykov) [Modal particles in sentence structure (based on German and Russian languages)]. *Voprosy sovremennoi lingvistiki*, (2), 59–67. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2020-2-59-67> (In Russian)
- Blakemore, D. (2004). *Relevance and linguistic meaning: The semantics and pragmatics of discourse markers*. Cambridge University Press.
- Erofeeva, E. V. (2023). Znachenie i funktsii pragmaticheskikh markerov v russkoi ustnoi rechi [The meaning and functions of pragmatic markers in Russian oral speech]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*, 20(1), 170–182. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.110> (In Russian)
- Filatova, V. V. (2017). Problema vnedreniya sinkhronnogo perevoda v perevodcheskuyu deyatel'nost' [The problem of implementing simultaneous interpreting in translation activity]. *Vestnik magistratury*, 12-4(75), 34–37. (In Russian)
- Fischer, K. (2000). *From cognitive semantics to lexical pragmatics: The functional polysemy of discourse particles*. Walter de Gruyter.
- Fraser, B. (1990). An approach to discourse markers. *Journal of Pragmatics*, 14(3), 383–398. <https://doi.org/10.1016/0378-2166%2890%2990096-V>
- Fraser, B. (1996). Pragmatic markers. *Pragmatics*, 6(2), 167–190. <https://doi.org/10.1075/prag.6.2.03fra>
- Fraser, B. (1999). What are discourse markers? *Journal of Pragmatics*, 31, 931–952. <https://doi.org/10.1016/S0378-2166%2898%2900101-5>
- Fraser, B. (2009a). An account of discourse markers. *International Review of Pragmatics*, 1, 292–320. <https://doi.org/10.1163/187731009X12505863431603>
- Fraser, B. (2009b). Topic orientation markers. *Journal of Pragmatics*, 41, 892–898. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2008.08.006>
- Glushak, V. M. (2009). Epistemicheskaya funktsiya chastits v organizatsii rechevogo povedeniya [Epistemic function of particles in the speech behavior realization]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, (3), 32–37. (In Russian)
- Halliday, M. (1973). *Explorations in the functions of language*. Edward Arnold.
- Ilyukhin, V. M. (2002). *Strategii v sinkhronnom perevode: na materiale anglo-russkoi i russko-angliiskoi kombinatsii perevoda* [Strategies in Simultaneous Translation (Based on English-Russian and Russian-English Combinations of Translation)] (Extended abstract of PhD dissertation). Moscow. (In Russian)
- Inkova-Manzotti, O. Yu. (2001). *Konnektory protivopostavleniya vo frantsuzskom i russkom yazykakh: sopostavitel'noe issledovanie* [Opposition connectors in French and Russian (contrastive study)]. (Doctoral dissertation). Moscow. (In Russian)
- Kobozeva, I. M., & Zakharov, L. M. (2007). Oznachayushchee diskursivnykh slov russkogo yazyka kak ob'ekt kognitivno orientirovannogo opisaniya: problema metayazyka [The signifier of Russian discourse words as an object of cognitively oriented description: The problem of metalanguage]. In *Russkii yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'*. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet. (In Russian)
- Konina, A. A., & Chernigovskaya, T. V. (2018). Sinkhronnyi perevod kak ekstremal'nyi vid kognitivnykh protsessov (obzor eksperimental'nykh issledovaniy) [Simultaneous Interpreting as an Extreme Cognitive Activity (Experimental Studies. Review)]. *Voprosy psikholingvistiki*, 4(38), 178–203. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2018-4-178-203> (In Russian)

- Kuleshova, A. V. (2024). Problema parametrizatsii diskursivnykh markerov v trudakh zarubezhnykh lingvistov (na primere frantsuzskogo yazyka) [The problem of parametrization of discursive markers in the works of foreign linguists (using the example of the French language)]. *Voprosy sovremennoi lingvistiki*, (3), 6–15. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-3-6-15> (In Russian)
- Porubilkin, V. E. (2026). Strategii peredachi svyaznosti vyskazyvaniya v ustno-zritel'nom perevode s nemetskogo yazyka na russkii [Strategies for conveying coherence in sight translation from German into Russian]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 19(2), 669–678. <https://doi.org/10.30853/phil20260088> (In Russian)
- Putina, O. N. (2022). *Diskursivnye markery v dialogicheskom edinstve vopros-otvet: kommunikativno-pragmaticheskii podkhod* [Discourse markers in question-answer dialogue unity: A communicative-pragmatic approach]. Perm. (In Russian)
- Rakova, K. V. (2025). Sinkhronnyi perevod leksicheskikh sredstv vyrazitel'nosti v sovremenном obshchestvenno-politicheskom diskurse [Simultaneous Interpretation of Lexical Expressive Means in Modern Social and Political Discourse]. *Filologicheskie nauki v MGIMO*, 11(4), 126–140. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-4-45-126-140> (In Russian)
- Schiffrin, D. (1987). *Discourse markers*. Cambridge University Press.
- Serebrova, O. F. (2023). Nemetskie diskursivnye markery v tekstakh razlichnykh funktsional'nykh stilei [German discourse markers in texts of various functional styles]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 16(7), 2166–2172. <https://doi.org/10.30853/phil20230355> (In Russian)
- Viktorova, E. Yu. (2014). Diskursivnye slova: edinstvo v mnogoobrazii [Discursive words: uniformity in Diversity]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*, 14(1), 10–15. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2014-14-1-10-15> (In Russian)
- Viktorova, E. Yu. (2024). Khedzhing-strategiya v otsenochnom nauchnom diskurse: mezhdistsiplinarnoe issledovanie [Transdisciplinary Study of Hedging Strategy in Evaluative Academic Discourse] *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*, (1), 5–17. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.1> (In Russian)
- Vinogradov, V. V. (1975). O kategorii modal'nosti i modal'nykh slovakh v russkom yazyke [The category of modality and modal words in Russian]. In *Issledovaniya po russkoi grammatike: izbrannye trudy* (pp. 53–87). Moscow. (In Russian)
- Volkova, T. A. (2022). Strategii ustnogo perevoda: obzor i pereosmyslenie podkhodov [Strategies of interpreting: Review on approaches]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, (2), 52–61. (In Russian)
- Volkova, T. A. (2023). Diskursivnoe modelirovanie perevoda: zachem perevodchiku diskurs [Discourse-based translation modeling: why translators need discourse]. *Inostrannyye yazyki v vysshei shkole*, 3(66), 75–84. <https://doi.org/10.37724/RSU.2023.66.3.009> (In Russian)

Сведения об авторе:

Порубилкин Владислав Евгеньевич – аспирант кафедры немецкого языка, преподаватель кафедры английского языка №3 МГИМО МИД России. Сфера научных и профессиональных интересов: устный перевод, синхронный перевод, дискурс-анализ. E-mail: sobolelan@gmail.com
ORCID ID: 0009-0002-4394-9972

About the author:

Vladislav E. Porubilkin is a PhD student in the Department of German Language, Lecturer in the Department of the English Language №3 at MGIMO University (Moscow, Russia). Research and professional interest: translation studies, simultaneous interpreting and discourse analysis. E-mail: sobolelan@gmail.com
ORCID ID: 0009-0002-4394-9972

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare that they have no conflict of interest.

* * *